

хромовые сапоги, скрипя, вынесли шубу и папаху из зала». С. 119, 120).

Главный герой всех очерков — К., его личность, его судьба от последних предвоенных лет до отлета в Бразилию. Виден рост его национального самосознания, пробуждение религиозных чувств и тревожные мысли о судьбе России и русского народа. В конечном счете автор уверен, что большевизм не вытравил «национальную веру в Россию» (С. 66), а народ сохранил свою волю и способен на инициативу по спасению России от гитлеровских полчищ (С. 106). Можно считать справедливым мнение Б. К. Зайцева: этой книгой К. показал Западу и эмиграции, что Советская Россия «не просто безликая и бездушная сила роботов. Все гораздо сложнее» (Предисл. С. VIII).

Позиция К. встретила возражения. Р. Б. Гуль увидел в книге вредное влияние «послевоенно-бердяевской» концепции «какой-то отвлеченной „России“»; К. получил клеймо «раба», «духовного сталиниста» (Гуль Р.— С. 206).

К. остался верен своим убеждениям. В дек. 1966 в газ. «Новое русское слово» появилась его статья: «Помнить и забыть» с призывом: «Всем русским людям, где бы они не находились, в Москве или Нью-Йорке, <...> надо думать о том, как, наконец, покончить с гражданской войной <...> Когда кончится полувековое деление на красных и белых?» К. поддержали Г. В. Адамович и архиепископ Иоанн (Д. А. Шаховской). У менее просвещенных эмигрантов его призыв вызвал отторжение.

Основной труд последнего десятилетия жизни К.— книга документально-публицистических очерков «Живая история». Она включает 59 глав по числу лет Советской России. Отбор исторических фактов, иногда весьма неточных, подчинен главной цели — разоблачению власти, всемерно подавляющей свободу мысли. Национальная проблематика присутствует, но отнесена на задний план. Народ предстает не как самоорганизующаяся сила, а как объект угнетения и подавления. Замысел К.— через познание истории показать путь «самопознания» — оказался неосуществленным. Личная оценка часто заменена мнением авторитетов той эпохи. Даже завершая книгу, К. не решился на свои выводы, он говорил словами А. А. Амальрика о миссии США как «центра гуманистической экспансии за права человека» в Советском Союзе («Живая история». С. 510).

Менее политически ангажированной оставалась его лит. критика. Ею и худож. очерками К. войдет в историю русского лит. процесса XX в.

Соч.: Освобождение души. Нью-Йорк. 1952; Живая история. 1917–1975. Мюнхен. 1977; По белу свету // Слово. 1990. № 10. С. 68–69; Фронтовой дневник // Знамя. 1992. № 5. С. 172–192.

Лит.: Бердяев Н. А. Самопознание. Л., 1991. С. 322; Гуль Р. Б. «Дунька» и Коряков // Гуль Р. Одвуконь. Советская и эмигрантская лит.-ра. Нью-Йорк, 1973. С. 202–208; Зайцев Б. К. [Предисл.] // Коряков М. Освобождение души. Нью-Йорк, 1952. С. V–VIII; Яунзем И. [Письмо в редакцию] // Знамя. 1992. № 5. С. 170; От редакции // Там же. С. 171–172.

В. В. Перхин

КОСТРОВ Владимир Андреевич [21.9.1935, д. Власиха Богоявленского р-на Костромской обл.] — поэт.

Родился и вырос в крестьянской семье, отец в годы Великой Отечественной войны стал офицером. О своем происхождении К. поэтически написал: «Если спросишь меня: / — Ты откуда такой? / Я отвечу тебе: там, вдали, за рекой / Деревушка стоит на угоре. / Где хлеба колосят, где хвосты поросят / И веселый петух на заборе». До 17 лет подросток жил в сельском поселке Вохма. После окончания школы уехал в Москву и сразу был принят в главное учебное заведение страны — МГУ им. М. В. Ломоносова на химический ф-т. Все годы учебы не оставляла К. любовь к поэзии, появились первые стихотворные публикации. Окончив в 1958 вуз, молодой инженер работает на крупном химическом предприятии, на котором, успешно занима-

В. А. Костров

ясь науч.-исследовательской деятельностью, получает особо ценную поляризационную пленку.

На органическую связь деревенских корней с естественнонауч. образованием у К. обратил внимание известный поэт Я. Смеляков, сопроводивший первую большую подборку стихов начинающего поэта в ж. «Юность» (1959. № 10–11) весьма благожелательным отзывом. Редкий сплав лирического и аналитико-публицистического начал в поэзии К., отмеченный Я. Смеляковым, становится характерной чертой его творчества. В споре «лириков» и «физиков», разгоревшемся в конце 1950-х — начале 1960-х, у К. свое особое место. Он не за «физиков» и не за «лириков», а за «химиков». То есть за людей, умеющих соединять, казалось, несоединимое. К обсуждавшейся проблеме он подошел, как сказано в одном из его стих. 1961, «не с позиции силы, а с позиции красоты», ибо красота, как и любовь, у поэта «всесильна» («**Видение на озере**»): «Я встретил на Братской рабочую силу, / Она оказалась девчонкой красивой» («**Рабочая сила**»), «Под горящей свечой ракеты / Я пишу стихи о ракете» и др. И ракета, и машина, и производство у К. одухотворены — дышат жизнью и красотой. В 1961 К. выступил в коллективном сб. стихов молодых поэтов «Общежитие» с циклом стихов «**Линия**». Постепенно из его поэзии исчезают избыточные науч. термины, характерные для ранних стих. К., и уже первая авторская книга молодого писателя будет называться просто и лирично «**Первый снег**» (1963). В этой книге о стройках Сибири наряду с чувством радости чутким ухом поэта улавливаются и первые нотки тревоги: «Создавая величье, / Мы рушим величье». Трепетное отношение к природе с тех пор будет всегда присутствовать в поэтическом мире К. Поэт с особым тютчевским проникновением внимательно вслушивается в природу, чтобы почувствовать ее душу, ее свободу, ее любовь, ее язык: «Воробей, стучащий в крышу, / Дробный дождь в пустом корыте,— / говорите, я вас слышу, / я вас слышу, говорите... / Эти травы, эти птицы / на закате и зените, / милые твои ресницы, / я вас слышу, говорите...»

Стихи К. очень разнообразны и по своей форме, и по содержанию. Они открыты любому проявлению жизни. Перефразируя А. Ахматову, они могут «произрастать» из всего: от взгляда на летающих в вышине журавлей, по поводу новой игрушки дочери, в связи с ремонтом городского фонтана («**Письмо-поэма**»), от простого вида московского

городского пейзажа. Но все строчки, написанные К., это борьба за существование поэзии в непоэтическом мире, борьба за сохранение и восстановление красоты бытия. Стихи К. о простых людях, о красоте родной земли, о дерзаниях современников энергичны и романтически приподняты. Поэтический мир К. не отгораживает человека от жизни, природы и бытия, и даже встречающаяся иногда науч. лексика органично вплетается в пение напряженно-музыкальной строки: «Встань же, чудак, / и окошко открой / миру реальному, / чтобы смешалась венозная кровь / с артериальной. / Встань и хлебни этот синий настой. / Нравится? Умница! / Как пуповиной ты связан с Москвой / утренней улицей. / Как в испытательной гулкой трубе, / в ней турбулентности. / Это не в улице, / это в тебе / ходят троллейбусы». Поэт на все откликается чутким, добрым, а порой и опечаленным сердцем гражданина и сына своей страны. В стихах 1990-х появляются беспокойство, тревога и боль. Далеко не все происходящее в обществе радует К., но его человеческая позиция ясна и открыта, а логика безупречна. Все это заставляет писателя еще сильнее полюбить Россию, почувствовать с ней неразрывную, «самую жгучую» связь (Н. Рубцов): «Защити, приснодева Мария! / Укажи мне дорогу, звезда. / Я распятое имя „Россия“ / Не любил еще так никогда». В мире воинственной бездуховности, миражей и фантомов поэт не теряет подлинных ориентиров, ему есть на что надеяться и чем утешать «яростную новь» «метельной» России. Кострома, Переславль-Залесский, могучие ветлужские леса, издавна хранящие «старую веру» отцов, близкие и родные для поэта уголки исконной России,— древнейшие центры ее духовности и культуры. История для К., как прошлая, так и настоящая, всегда конкретна и ощутима, она неотделима от этих дорогих писателю мест, от памяти о ямщике, подорожном колокольчике, мелодии шарманки, от коренной жизни Руси-России: «Я стою, как дерево в лесу, / Сединой купаясь в синеве, / И славянской вязью времена / На моей записанная листве. / Ничего я лучше не нашел, / Никуда я больше не уйду, / И когда наступит судный срок, / На родную землю упаду». На все жизненные невзгоды у К., также как у Пушкина и Тютчева, есть один общий ответ — это история своей страны, ее тысячелетняя культура, ее неисчерпаемая красота и духовность: «Не всколыхнуть нас легкой волне, / не объяснить нас / логике пошлой. / Тяжеловесны в своей глубине / мы на две трети, / как айсберги, / в прошлом». Бы-

ло уже замечено, что темы Родины и Рода неотделимы в поэзии К. Мать, отец, жена, дети составляют один неразрывный круг жизни и поэтического мира писателя. Обращаясь к своим дочерям, поэт в то же время обращается к дорогой его сердцу России, ко всему древнему Роду русичей: «Называйте меня папою / До конца моей судьбы. / Я вас выпросил на паперти / У работы и гульбы, / <...> / С добрым сердцем дело делаю, / Осеняю ваш союз, / Русь Червоная и Белая / И святая наша Русь» (**«Дарье и Екатерине»**). Любовь к жене, женщине и России почти по-блоковски сливаются у поэта в одну большую святую любовь: «В миг последней сплошной темноты, / Глянув смерти в глазницы пустые, / Вдруг сольетесь Россия и ты, / И пойму я, что ты есть Россия, / <...> / Все грехи свои я расскажу / Одному деревенскому Спасу. / Он подарит мне солнце в окно. / Он прощает всех-всех. Он всесилен. / В миг, когда ты, любовь и Россия / Бесконечно сольетесь в Одно». Непокорная, органическая духовность пронизывает всю изначально светоносную поэзию К. Ее молитвенное дыхание незаметно и естественно сливается с верой отцов, с тихим светом лампад, с красотой маленьких деревенских церквей и величественными храмовыми постройками прошлого: «Голубем, снующим на карнизах, / В глубину, душа моя, нырни... / Видишь: церковь в белоснежных ризах / Загляделась в зеркало Нерли» (см. также **«Успенский собор в Кремле»**, **«Морозом вздохом белого пиона»**, **«Едва луна печально озарила»** и др.). Поэтически ярко поэт рассказал и о мн. творческих личностях, и не только о своих учителях, друзьях, но и о близких себе по духу художниках прошлого — Я. Смелякове, А. Твардовском, Н. Старшинове, Н. Анциферове, В. Распутине, С. Есенине, скульпторе А. Опекушине и, конечно же, поэте-мессии Пушкине: «В государственном небе Москвы, / В громе славы и бедствий России / Вижу гордый наклон головы, / Горько-черные очи мессии» (**«Памяти скульптора Александра Михайловича Опекушина»**). Литургически-возвышенно звучат и поэтические строки К., посвященные памяти выдающегося композитора нашего времени Г. В. Свиридова: «Незримы и невыразимы, / Лишенные телесных пут, / Рождественские серафимы / Теперь Свиридову поют. / О тесноте земной юдоли, / Где каждый звук его зачат, / В морозном небе, в чистом поле / Распевы горние звучат / <...> / Молись и верь. Земля родная. / Проглянет солнце из-за туч... / А может быть, и двери рая / Скрипич-

ный отворяет ключ» (**«Памяти Георгия Васильевича Свиридова»**). Надеждой, опорой и отдохновением чуткого, совестливого сердца поэта неизменно служат родная природа, далекая колыбельная песня матери, надмирный небесный свет, ощущение Гения места Руси-России, неискоренимое веселопечальное жизнелюбие народной души: «Тебе не оскорбить моей души, / Не сокрушить изменою и ложью, / покуда месяц в костромской тиши / каликою бредет по бездорожью. / Во мне еще надежда не умрет, / не будет вера в доброту убита, / пока на голубой ветлужский лед / со звоном опускаются копыта». Или: «Торгаши товаром дразнят, / А у нас капусту рубят. / А у нас и в будни — праздник. / А у нас живут и любят».

Многоголосые, жизнеутверждающие стихи К. не только глубоко гуманистичны, но и проникновенно лиричны. Поэт одарен абсолютным слухом к музыке русского слова, к интонационной и фонетической инструментровке стиха. Нарядная, сочная, праздничная поэзия К. по своей образно-музыкальной фактуре и романтически-ярким краскам близка кустодиево-маялинской живописи, а по своей теплоте и передаче тончайших движений души неповторимому лиризму пейзажей А. К. Саврасова.

К.— член СП СССР с 1961 г., он автор 18 поэтических сб. и 20 книг переводов с яз. народов мира. Его поэзия переведена на мн. яз. планеты. К. удостоен лит. премий: Николая Островского (1974), Гос. премии России (1987), премии мэрии Москвы (1998), им. Александра Твардовского (1998), Ивана Бунина (2000), Андрея Платонова (2000). Творчество К. отмечено «Золотой Пушкинской медалью к 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина» (1999) и Большой лит. премией России (2002). На произведения К. написано много популярных песен. Он трижды лауреат телевизионного конкурса «Песня года» (на его стихи написана музыка композиторами Ваню Мурадели, Александрой Пахмутовой, Лорой Квинт, Виктором Захарченко). К.— автор либретто к опере «Джордано», успешно поставленной в столичных и провинциальных театрах. К.— составитель и ответственный редактор антологии «Русская поэзия. XX век» (ОЛМА-Пресс, 1999). В настоящее время живет в Москве, является председателем Международного Пушкинского комитета и вице-президентом Международного Пушкинского фонда «Классика».

Поэт Виктор Боков, вспоминая о своем первом впечатлении от знакомства с К. и его стихами, писал: «<...> я познакомился с по-

этом и обрадовался тому, что он был похож на свои стихи. Общительный, веселый, молодой, приветливый, умный и обаятельный человек глядел на меня. Все это обнаружилось и в его поэзии — поэзии солнечной, доброй, славящей и утверждающей действительность. Костров как-то сразу нашел себя, обрел свой голос. <...> Прикосновение к сборникам его стихов — это прикосновение к чуткому, любящему, думающему сердцу!» (Боков В.— С. 3, 6). Г. Красников, размышляя о творчестве К., справедливо к этому добавляет: «В нашем Отечестве истинные поэты по своей сути и по небесному призванию — ангелы-хранители России, <...> классически стройные стихи Владимира Кострова <...> свидетельствуют о цельности и вневременной полноте духовного космоса русской поэзии» (*Песня, женщина и река...* С. 5–6).

Соч.: Общежитие: сб. четырех поэтов. М., 1961; Избранное. Первая книга стихов. М., 1963; Первый снег: стихи. М., 1963; Избранная лирика. М., 1964; Кострома-Россия: стихи. М., 1967; Весны и осени: стихи. М., 1968; Утро в Останкино: стихи и поэмы. М., 1972; Металл и нежность: стихи. М., 1974; Я Вас люблю: стихи. М., 1974; Товарищества светлый час: стихи. М., 1977; Солнце во дворе: Книга лирики. М., 1978; Если любишь...: Книга стихов и поэм. М., 1980; Избранное: Стихотворения и поэмы. М., 1982; Дорога на родину: Стихи, поэма. М., 1983; Нечаянная радость: стихи. М., 1984; Открылась взору: Стихотворения и поэмы. М., 1984; Свет насущный: Стихотворения и поэмы. М., 1985; Роза ветров: Стихотворения и поэмы. М., 1987; Стратостат: поэмы. М., 1987; Стихотворения и поэмы. М., 1989; Стихи // Москва. 1993. № 11; У каждого из нас свой Пушкин // Советская Россия, 1995. 6 июня; Песня, женщина и река...: Стихотворения. М., 2001.

Переводы: Колумб В. Х. Стихи. М., 1971; Кутби К. Горный кряж. М., 1979; Федосеев И. Е. Сардаана: Стихи. Пер. с якутского. М., 1979; Колумб В. Х. Про дразнишку и моего братишку. М., 1980; Кубаннепесов А. На степных дорогах, М., 1982; Ефимов Г. А. Очаг и поле: Стихи, поэмы. М., 1965; Перевод стихотворений, написанных на французском языке: Тютчев Ф. И. ПСС и письма: в 6 т. / главный ред. Н. Н. Скатов. Т. 1. М.: Классика. 2002; Т. 2. М.: Классика. 2003; Ваш Тютчев: Стихотворения. Переводы. Публицистика. Из писем. Тютчев в воспоминаниях, письмах современников и документах / вступ. статья Н. Н. Скатова. По высям творенья... М.: Международный Пушкинский фонд «Классика», 2003.

Лит.: Аннинский Л. Костюмы и характеры // Знамя. 1962. № 9; Красухин Г. Поэзия рабочего труда // Москва. 1964. № 1; Карпенко В. Без прошлого — малы // Лит. обозрение. 1979. № 9; Вишневский В. Счастливая возможность поделиться // Лит. обозрение. 1981. № 6; Старшинов Н. Зрелость поэта // Знамя. 1981. № 8; Боков В. Хлеб и солнце // Костров В. А. Избранное: стихи-

творения и поэмы. М., 1982. С. 3–6; Пьянов А. Он идет по верной дороге // Знамя. 1983. № 6; Красников Г. Пора зрелости // Октябрь. 1983. № 9; Лаврин А. «Через память мою...» // Лит. обозрение. 1984. № 1; Дмитриев О. Дыхание строки // Лит. газ. 1985. 18 сент.; Васильева Л. «День рожденья твоего...» // Лит. Россия. 1985. 20 сент.; Чехонадский Ю. «Никуда я от них не уйду» // Лит. Россия. 1987. 13 нояб.; Храмов Е. Л. Костров. В. А. // Русские писатели XX в: Биографический словарь / главный ред. П. А. Николаев. М., 2000; Красников Г. «Обещаю любить и прощать...» // Костров В. А. Песня, женщина и река...: Стихотворения. М., 2001. С. 5–14; Дементьев В. Время костров // Москва. 2002. № 8.

В. С. Федоров

КОСТЫЛЁВ Валентин Иванович [15(27).3. 1884, Москва — 29.8.1950, Москва] — прозаик, публицист.

Родился в многодетной семье мелкого чиновника. Мать — портниха, отец — архивариус. Тяжелое материальное положение вынудило родителей отдать 8-летнего Валу «в люди». Мать мечтала о духовной карьере сына, а отец хотел сделать из него циркового артиста. 12-летнего мальчика родители определяют на работу в немецкую фирму «Мориц-Филипп». Частые побои и изнурительный 13-часовой труд вынудили его оттуда сбежать и перейти в английскую пароходную компанию «Вильсон, сын и К.». Затем вплоть до Октябрьской революции К. работает конторщиком и plombировщиком на Московско-Виндавской железной дороге.

Грамоте К. научился у своего отца. Начал он со стихов, которые стал писать с 11 лет. Стихи были посвящены нужде, голоду и тяжелому семейному быту. В 15 лет К. самостоятельно знакомится с произведениями Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Белинского, Добролюбова, Писарева; с историей русской литературы А. М. Скабичевского и Ф. В. Ливанова. Читает толстые ж. «Неделя» и «Жизнь», где печатаются рассказы молодых писателей М. Горького, И. Бунина, Л. Андреева. Особенное впечатление на К. произвел Горький, имя которого К. впервые услышал в 1899. Горький представлялся ему писателем из низов, открывшим путь всем начинающим писателям из простого народа. Дружба с корректором газ. «Курьер» С. Збруевым свела его с Л. Андреевым, работавшим в ту пору секретарем «Курьера». В редакции газ. К. впервые встретился с М. Горьким, И. Буниным, П. Скитальцем, Е. Чириковым, Н. Телешовым и др. писателями-реалистами. В 1903 К. пишет свой первый рассказ «**Развалины**», ко-